

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

УДК 930.1(091):329.11

**НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА*****М. В. Медоваров***

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

mmedovarov@yandex.ru

Рецензируется монография А.Э. Котова «Птенцы гнезда Каткова», посвященная участию М.Н. Каткова и четырех публицистов его круга в общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX в. А.Э. Котов вносит существенный вклад в понимание места катковского феномена в истории России при всей спорности понятия «бюрократический националист». Впервые в историографии всесторонне освещена личность и деятельность Н.А. Любимова, созданы удачные исторические портреты И.Ф. Циона, С.С. Татищева, П.К. Щербальского.

Ключевые слова: А.Э. Котов, М.Н. Катков, национализм, консерватизм, Н.А. Любимов, И.Ф. Цион, С.С. Татищев, П.К. Щербальский.

Монографию А.Э. Котова [Котов, 2013], по его собственному признанию, являющуюся лишь промежуточным итогом его исследований в области причудливых течений в русском консерватизме и национализме катковской эпохи, можно рассматривать и как сборник отдельных биографических очерков, и как труд с единой логикой. Автор, по всей видимости, решился представить на суд читателей порою достаточной «сырой» материал о полузабытых или даже забытых публицистах второй половины XIX – начала XX в., будучи движим не только научными, но и образовательными, популяризаторскими целями. По крайней мере, стремление А.Э. Котова подчеркнуть во взглядах «катковской плеяды» в первую очередь то, что звучит актуально и в наши дни, вполне можно понять.

При написании достаточно сжатых очерков о жизни и деятельности публицистов можно было следовать биографическому подходу, а можно было ограничиться рассмотрением их общественно-политических взглядов, сообщив минимум биографических сведений. А.Э. Котов в качестве автора статьей о Н.А. Любимове, С.С. Татищеве, И.Ф. Ционе в энциклопедии «Русский консерватизм» [2010, с. 278–280, 509–511, 562–564] дал и ту и другую информацию, но в обсуждаемой монографии сконцентрировал внимание лишь на отдельных интересных сюжетах. Несомненно, что популяризаторский посыл был в данном случае на первом месте.

Это заметно уже по первому очерку, посвященному самому М.Н. Каткову. Предельно кратко остановившись на источниках и современной историографии наследия этого мыслителя, автор углубляется в анализ личностных особенностей Каткова как человека, его привычек, влиявших на стиль и тон его журналистской деятельности. Справедливо отказываясь объяснять особенности катковской позиции, зачастую противоречащей и требованиям государственных сановников, и националистическим настроениям (например, отказ Каткова участвовать в информационных кампаниях против евреев и немцев), сугубо материальными, финансовыми причинами, А.Э. Котов, конечно, не может избежать разговора об определении сложной, двойственной политической позиции редактора «Московских ведомостей». Либеральный консерватор? Гражданский националист? Государственный националист? Политический националист? Взгляды Каткова не удастся охватить этими определениями. Автор предлагает взамен другой ярлык – «бюрократический националист», но обоснован ли он, если А.Э. Котов говорит и о глубоко демократической, антиаристократической ориентации позднего Каткова, и о его симпатиях к Североамериканским Соединенным Штатам? Если вспомнить, что в 1860-е – 1870-е гг. Катков сам неизменно оказывался жертвой бюрократического произвола П.А. Валуева и П.А. Шувалова, прежде чем стать апологетом чиновничества в 1880-е гг., то оправданность характеристики публициста именно как бюрократического национали-

ста вызовет сомнения. Достаточно странным выглядит и апелляция к мнению И.С. Аксакова, и характеристика А.А. Киреева как «солидарного с Катковым» (с. 23), в то время как сам Киреев постоянно определял свои взгляды как синтез взглядов Каткова и Аксакова. С чем можно безусловно согласиться, так это с тем, что перед смертью, в 1886–1887 гг., Катков действительно оказался не в состоянии повлиять на политику все более безыдейных «управленцев» – российских министров и других сановников (с. 26–27).

Большим научным достижением является второй раздел очерка А.Э. Котова о Каткове, посвященный взгляду публициста на развитие русского флота (с. 27–38). Специальное изучение этой темы, насколько нам известно, ранее никем не проводилось. Вполне можно согласиться с выводом автора: «Многие катковские идеи были спорными, значительная их часть к нашему времени утратила свою актуальность. Не устарело главное: понимание общенационального и государственного значения водного транспорта».

Второй смысловой блок книги А.Э. Котова составляют четыре очерка о «птенцах гнезда Каткова». Вызывает некоторое недоумение отсутствие очерка о «правой руке» Каткова – П.М. Леонтьеве, неоднократно упоминающемся в книге. Неравны по объему и детальности анализа сами очерки.

Наибольшее внимание уделено верному «катковцу» профессору физики Н.А. Любимову. На наш взгляд, этот очерк можно считать самым удачным в монографии. Автор рассматривает как взгляды Любимова на высшее образование, так и его собственную драматическую судьбу, избегая неоправданного смещения этих двух моментов: какова бы ни была личная репутация профессора, его работы об образовании содержат такие доводы, от которых нельзя отмахнуться.

Аргументы Н.А. Любимова в пользу негодности университетской системы, организованной по уставу 1863 г., заслуживают пристального внимания. Ему удалось подметить черту, характерную, к сожалению, не только для системы образования в России: «Если нужно охарактеризовать действующую систему каким-либо именем, то едва ли не правильнее было бы назвать ее системой управления понемногу всеми и никем, системой невмешательства... или, наконец, системой общей безответственности» (с. 47). Понимая абсурдность ситуации, когда императорские университеты, будучи государственной структурой и существуя за счет казенного финансирования, имеют «автономию» и позволяют себе открыто выступать против правительства, Н.А. Любимов не ограничился борьбой за отмену такой «автономии». Его предложение отделить прием экзаменов от преподавания, чтобы они не находились в одних и тех же руках, как замечает А.Э. Котов, реализовалось в системе современных государственных экзаменов для выпускников. Воспринятое в штыки современниками предложение Любимова ввести немецкую систему выплаты гонорара преподавателям в зависимости от посещения их лекций также активно обсуждается и в начале XXI в. Вопросы нехватки общего уровня образованности наравне с узкоспециальным, платы за обучение для студентов из обеспеченных семей наряду с бесплатным обучением для бедняков, студенческой и преподавательской дисциплины, обсуждавшиеся в «Записках» Любимова 1873 и 1876 гг. и его цикле статей «Университетский вопрос» (1875–1877 гг.), вполне насущны и сегодня. Заметим, что Любимов, как и другие консерваторы пореформенной эпохи, не хотели возвращения к системе Николая I, изгнавшей философию из университетов в пользу «реальных» наук и давшей плоды в виде нигилизма. Они желали лишь возвращения к осознанию преподавателями своего долга в качестве государственных служащих.

Разумеется, Любимов не мог быть во всём прав, но в конструктивную дискуссию с ним фактически вступил лишь Н.П. Гиляров-Платонов, чью «редкую для того времени неангажированность» справедливо отмечает автор (с. 59). Принесли ли бы плоды предлагаемые Любимовым меры, будь они немедленно осуществлены, или никакие формы не могли бы дать эффекта при плохом содержании, при плохом «человеческом материале»? Опыт внедрения «катковско-любимовского» устава 1884 г., давшего лишь кратковременный эффект и не исцелившего в дальнейшей перспективе ни одну из застарелых болезней русского студенчества и профессоров, говорит сам за себя. И всё же нельзя не отдать должное уму Н.А. Любимова, не только ставившему столь сложные вопросы, но и смело прибегавшему к инновационным методам в своих учебниках физики за полтора столетия до наших дней, как нельзя не поразиться драматической судьбе этого профессора, ставшего жертвой «информационной войны» со стороны своих коллег.

Травля Любимова сначала в либеральной прессе, а затем в среде профессоров Московского

университета, детально рассмотренная А.Э. Котовым (с. 49–56, 63–69), должна была увенчаться изгнанием его из рядов преподавателей. Личное вмешательство Александра II спасло Любимова, но не репутацию университета: был вынужден уйти в отставку ректор С.М. Соловьев (будучи противником Любимова, он не порывал с ним личных отношений), более того, шельмованию подвергся его молодой сын – русский философ Владимир Соловьев, также вынужденный покинуть стены университета (с. 70).

Деятельность Любимова в 80-е и 90-е гг. XIX в., его роль в срыве проекта «конституции» Лорис-Меликова в 1880 г. А.Э. Котов рассматривает уже более кратко. Вполне справедливо характеризует он Любимова как «труженика контрреформ» (с. 71).

Ярко контрастирует с личностью Н.А. Любимова герой следующего очерка – И.Ф. Цион – талантливый ученый-физиолог, беспринципный авантюрист европейского масштаба, мошенник, взяточник, настоящий *enfant terrible* консервативного лагеря во времена Каткова, быстро превратившийся во врага русского консерватизма и монархии в дальнейшем (с. 78–89). Можно ли вообще называть консервативным мыслителем человека, подобного Циону? На тех же основаниях, на каких В.А. Китаев отказывает А.В. Никитенко и А.А. Краевскому в праве быть включенными в число либералов [Китаев, 2008, с. 347–349], на тех же и Цион, на наш взгляд, не может находиться среди консерваторов, хотя, безусловно, «птенцом гнезда Каткова» он был.

Несколько другими красками рисует автор яркий портрет С.С. Татищева. Он предстает перед читателем талантливым дипломатом, известным историком, драматургом, авантюристом и попросту мошенником. Большим достижением А.Э. Котова является то, что в небольшом очерке он выделил именно те черты в публицистике «националиста-государственника» С.С. Татищева, которые оказались наиболее злободневными: это яркие отрицательные характеристики революционной психологии и учение о необходимости «реальной», эгоистической внешней политики. При этом едва ли не половина очерка (с. 101–108) посвящена детальному сравнению личностей С.С. Татищева и К.Н. Леонтьева. Сходство их оказывается во многом случайным и внешним, тем не менее существование обоих мыслителей было в значительной мере характерно для той эпохи, что признает и А.Э. Котов, ставя с ними в один ряд еще и Вл.С. Соловьева.

Заключительный очерк монографии посвящен П.К. Щебальскому. Жаль, что автор не указывает годы его жизни, как это сделано относительно других героев книги, и их приходится определять по упоминаниям в тексте. Образ П.К. Щебальского – представителя Николаевской эпохи, героя Кавказской войны, талантливого чиновника-управленца, на старости лет избравшего амплуа либерально-консервативного публициста и своеобразно синтезировавшего западничество и славянофильство, – вполне удался А.Э. Котову.

Следует особо отметить приложение к монографии – опубликованные впервые за полтора столетия статьи Щебальского из «Русского вестника» 1861 и 1867 гг. о польском вопросе и о панславизме. Обе статьи написаны в духе позднего славянофильства и полностью согласуются с доктриной позднейшего лидера этого направления А.А. Киреева [Медоваров, 2013, с. 117–121] в следующих пунктах: этническое, а не династическое обоснование принадлежности западнорусских земель России; предложение полякам размежеваться по этнической границе; призыв к созданию общеславянского культурного единства без объединения в одно государство, по типу англо-американского единства.

Каковы же итоги исследования публицистического наследия и судеб «птенцов гнезда Каткова», осуществленного А.Э. Котовым? Как ни странно, но более всего бросается в глаза внимание автора не столько к содержанию идей публицистов катковского круга, сколько к их роли в складывании определенной политической культуры и журналистской этики в стране. На протяжении всей монографии автор указывает на шлейф скандалов и провокаций, тянувшийся за всеми героями книги, за исключением П.К. Щебальского. Подлоги, шантаж, заговоры, интриги, финансовые махинации, связанные с «катковистами» второго плана, по мнению А.Э. Котова, позволяют нашим современникам живо почувствовать колорит второй половины XIX в. (с. 5) Не менее характерной общей чертой героев рассматриваемой монографии является демонстративный отказ М.Н. Каткова, Н.А. Любимова, С.С. Татищева от интеллигентских предрассудков, проявлявшийся в открытом признании того, что их собственная деятельность призвана помогать правительству и полиции изобличать и преследовать революционные элементы (с. 24, 104–105).

Актуальное звучание публицистики своих героев А.Э. Котов стремится всячески усилить и

подчеркнуть, то сравнивая прозвание «барашки», данное Катковым оппозиционным журналистам, с современными «бандерлоги» и, пожалуй, «хомячки» (с. 24), то представляя Н.А. Любимова в роли первопроходца в области инновационных, «студентоцентричных» методов обучения (с. 24, 64–66), то описывая освещение вскрытия тела Каткова в прессе Любимовым (с. 77), то провокационно сравнивая роль М.Н. Каткова с ролью В.И. Ленина (с. 27) и И.В. Сталина (с. 13). В чем-то, быть может, автор и недалек от истины: по крайней мере, налицо удивительное сходство воззрений Каткова и Любимова на цели и задачи высшего образования с идеями планировавшейся в позднесталинское время университетской реформы [*Миронос*, 2013, с. 33–34].

Иные положения автора могут вызвать дискуссию. В первую очередь это касается определения национализма как «государственного» или «бюрократического» на том основании, что к 80-м гг. XIX в. Катков и его «птенцы» сделали ставку на бюрократический аппарат как главнейшее средство борьбы за русские национальные интересы в том виде, в каком они сами эти интересы понимали (с. 25–26, 122–123). Неужели, однако, стремление катковистов опереться на общественное мнение, характерное для 60-х – 70-х гг. и сохранившееся позже, и апелляция к народу в противостоянии с бюрократами самого разного плана, от П.А. Валуева до К.П. Победоносцева, дают основание ограничиться оценкой героев монографии только как «бюрократических националистов»?

А.Э. Котов совершенно справедливо указывает на объективное «соответствие катковской идеологии важнейшим тенденциям своей эпохи» (с. 122). Безусловно, такое соответствие имело место, хотя различные варианты нигилизма и либерализма были, пожалуй, даже более характерны для рассматриваемого периода. Но сама эпоха являлась эклектичной, переходной от дореформенного строя к чему-то тогда еще неизвестному, и потому неудивительно, что на какое-то время могла обрести популярность эклектическая в философском и политическом плане идеология «Русского вестника» и «Московских ведомостей». К концу XIX – началу XX в., на первый план выдвигались уже другие течения общественной мысли, зачастую, впрочем, не менее эклектичные. А.Э. Котов фактически поставив в своей книге сложный вопрос о причинах всплесков популярности того или иного течения в пореформенной России, но не дает его полного решения. Его заслугой является уже сама постановка этого вопроса. В целом труд А.Э. Котова представляется значимым в современной историографии отечественной общественной мысли второй половины XIX – начала XX в.

Библиографический список

Китаев В.А. Сколько лиц у русского либерализма? // Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород, 2008. С. 343–353.

Котов А.Э. Птенцы гнезда Каткова. СПб., 2013. 152 с.

Медоваров М.В. «Как с Русью Польша помирится»: генерал Киреев и польский вопрос // *Родина*. 2013. № 1. С. 117–121.

Миронос А.А. Социальная история науки в России // Бедный Б.И., Миронос А.А., Сорокин Ю.В., Сулейманов Е.В. Наука и научная деятельность: организация, технологии, информационное обеспечение. Н. Новгород, 2013. С. 9–62.

Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в.: энциклопедия. М., 2010. 639 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.03.2014

NEW RESEARCH ON THE HISTORY OF RUSSIAN CONSERVATISM

M.V. Medovarov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Gagarin ave., 23, 603950, Nizhny Novgorod, Russia
mmedovarov@yandex.ru

The author of the review evaluates Alexander Kotov's book "Nestlings of Katkov's Nest" devoted to the participation of Mikhail Katkov and four journalists of his circle in Russian social and political life of the second half of the XIX and the early XX centuries. Kotov's research starts with a brief essay about Katkov where the author rejects Katkov's characteristics as a Liberal Conservative or a Civil / Political Nationalist and describes him and his "nestlings" as Bureaucratic Nationalists. The biggest and main chapter in the book is devoted to Professor Lyubimov and his participation in social and political struggle, as well as to his dramatic personal fate. Lyubimov's projects of changes in Russian universities were not just "counter-reformist" but partly are urgent nowadays. Two other

“Katkovists”, Tsion and Tatishchev, outstanding adventurers rather than political thinkers, are represented as scandalous figures and opposed to Lyubimov and the last hero of Kotov’s book – a serious Panslavist journalist Shchebalskiy. In general Kotov raised important historical questions on the character of “Katkovism” (quite eclectic movement in Russian social and political thought, indeed) and the reasons of its correspondence to the requests and mood of Russian society in the 1860s – 1890s.

Key words: Alexander E. Kotov, Mikhail N. Katkov, nationalism, Conservatism, Nikolay A. Lyubimov, Ilya F. Tsion, Sergey S. Tatishchev, Petr K. Shchebalskiy.

References

Kitaev V.A. Skol’ko lits u russkogo liberalizma? // *Kitaev V.A.* XIX vek: puti russkoy mysli. Nizhniy Novgorod, 2008. P. 343–353.

Kotov A.E. Ptentsy gnezda Katkova. Saint-Petersburg, 2013. 152 p.

Medovarov M.V. „Kak s Rus’yu Pol’sha pomiritsya“: general Kireev i pol’skiy vopros // *Rodina.* 2013. No 1. P. 117–121.

Mironos A.A. Sotsial’naya istoriya nauki v Rossii // *Bednyy B.I., Mironos A.A., Sorokin Yu.V., Suleymanov Ye.V.* Nauka i nauchnaya deyatel’nost’: organizatsiya, tekhnologii, informatsionnoe obespechenie. Nizhniy Novgorod, 2013. P. C. 9–62.

Russkiy konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediya. Moscow, 2010. 639 p.